

DOI 10.5862/JHSS.244.9
УДК 94(438):325.2«1920/1939»

А.А. Микуленок

ПРОБЛЕМА ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКИХ ДЕТЕЙ В ПОЛЬШЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Рассмотрены особенности денационализации русских детей в Польше в условиях эмиграции в межвоенный период 1920–1930-х гг. и способы борьбы с ней. Выявлены причины массового распространения денационализации среди эмигрантов и ее последствия. Проведен анализ видоизменений способов борьбы с денационализацией, применявшихся эмигрантами в целом, и специфики этой борьбы в Польше. Определены ее практическая эффективность и недостатки. Показаны особенности положения русскоязычного населения в Польше, отношение к нему самих эмигрантов и коренного русскоязычного населения. Денационализации подвергались обе эти категории, которые, несмотря на отличия в своем правовом положении, использовали единые способы борьбы с ней. Статья основана на документах, хранящихся в «Пражском архиве» (ГАРФ, Москва), и эмигрантской периодике исследуемого периода.

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ; БЕЖЕНЦЫ; ПОЛЬША; РУССКАЯ КУЛЬТУРА; РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

Изучение истории российской эмиграции становится одним из приоритетных направлений в отечественной науке. Связано это в первую очередь с событиями последних лет на Украине и Ближнем Востоке, которые привели к массовому бегству людей из зон конфликтов. Многие из беженцев, попадая в другие страны, стремятся сохранить и передать свою культуру, религию и язык своим детям. Однако в силу разных причин это не всегда удается. Обращение к такому малоизученному вопросу, как проблема денационализации детей в условиях эмиграции в межвоенный период 1920–1930-х гг., поможет лучше понять положение, а отчасти и психологию беженцев, и не повторять ошибок прошлого, приводивших к недопониманию между беженцами и правительствами стран-реципиентов, распространению денационализации среди беженцев, иногда к открытым конфликтам.

В современной историографии исследователями уделялось внимание положению российской эмиграции в Польше, однако только в рамках отдельных тем [1–3]. Проблема же денационализации эмигрантов там рассматривалась либо в контексте истории культуры эмиграции [4], либо как одна из составляющих комплексной истории российской эмиграции [5–8], но

не как явление в отдельно взятой стране. Попробуем проанализировать особенности денационализации русских детей-эмигрантов в Польше в 1920–1930 гг. и способов борьбы с ней.

После революционных событий 1917 г. в России начался массовый отток граждан из страны. Первоначально наибольший поток эмигрантов на западе устремился в страны, имевшие протяженную сухопутную границу с Россией, – Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Румынию. Версальский мирный договор и конституции этих стран де-юре гарантировали национальным меньшинствам, проживавшим на их территориях, сохранение национальных прав и особенностей, в том числе и образование на родном языке, однако в большинстве случаев де-факто в странах-реципиентах проводилась политика местного шовинизма, например в Польше она выразилась в так называемом «ополячивании» населения, т. е. приобщении к польской культуре, языку, католическому вероисповеданию и т. д.

Политика местных правительств приводила к такому явлению, как денационализация (от *фр.* *denationalisation* – утрата национальных особенностей [9]). Дети были наиболее подвержены денационализации, что осознавалось

самими эмигрантами. Уже в 1921 г. в эмигрантской прессе поднимался вопрос о борьбе с ней [10, с. 8–9]. А в апреле 1923 г. на Всеэмигрантском съезде по делам средней и низшей школы был заслушан доклад о массовом распространении денационализации и необходимости борьбы с ней, где особо подчеркивалось, что денационализация детей дошкольного возраста приобрела колоссальный размах. Особенно подвержены ей были дети, чьи родители дорожили языком страны-реципиента. Так было, например, во Франции, Германии, Великобритании. В славянских же государствах вопреки мерам, которые принимали их правительства для поддержки родного языка эмигрантов, наблюдалось искажение русского языка из-за его морфологической близости языку страны-реципиента.

В зависимости от социально-экономических и правовых условий проживания эмигрантов страны Европы условно разделяли на три группы [11, с. 141; 12, л. 261–263].

В первую группу входили лимитрофные государства (от *лат.* *limitrophus* – пограничный [9]). Вопреки всем международным договорам и национальным конституциям в этих странах проводилась политика, направленная на ущемление прав национальных меньшинств, положение которых всё же не было одинаковым. Например, в Эстонии, Латвии и Финляндии оно охранялось законодательно, что давало возможность отстаивать свои национальные права, но в течение 1920-х гг. положение эмигрантов в этих странах кардинально изменилось. В Польше и Румынии изначально проводилась политика местного шовинизма, направленного в первую очередь на ликвидацию языковой и культурной самобытности русскоязычного населения. Однако вопреки всем ожиданиям в этой группе государств денационализация была не столь велика в связи с активной борьбой с ней русскоязычного населения.

Ко второй группе относились славянские государства – Болгария, Югославия и Чехословакия. Если в государствах первой группы денационализация являлась следствием политики, которую проводили их правительства, то в странах второй группы, наоборот, вопреки всем мерам по сохранению национальной идентичности эмигрантов год от года денационализация проявлялась всё более отчетливо. Связано

это было, в частности, и с морфологической близостью славянских языков.

В третью группу входили Франция, Германия, Великобритания. В этих странах денационализация проявлялась особенно ярко, что связано с относительно небольшим процентом соотношения количества русскоязычных школ и численности детей-эмигрантов. Помимо этого, культура в них находилась на достаточно высоком уровне развития, однако была чуждой для эмигрантов, особенно во Франции. Причин для активной денационализации было много, например нужда или желание родителей скорее приобщить ребенка к культуре страны-реципиента, что в будущем давало ему возможность получить хорошее образование, а в дальнейшем и перспективу получения высокооплачиваемой работы, что, в свою очередь, гарантировало экономическую стабильность. Дети-эмигранты совсем не знали русского языка, и связано это было с тем, что родители общались с ними исключительно на иностранном языке, так как предпочитали как можно быстрее ассимилироваться в новой стране [11, с. 141–142; 13, л. 35].

На съезде Педагогического бюро¹ уже в 1924 г. подчеркивалось, что разные условия, порождающие денационализацию, требуют и разных способов борьбы с ней. Меры по борьбе с денационализацией разделялись на школьные и внешкольные. Было признано, что в странах, где функционировала русская школа, дети подвергались денационализации в меньшей степени. В странах же, где она отсутствовала, необходимо было организовывать детские сады, клубы, детские летние колонии, детские праздники, приуроченные к знаменательным датам русской культуры, детские собрания, устраивать небольшие библиотеки [12, л. 261–263].

¹ Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей координировало деятельность русских эмигрантских школ. В президиум бюро входили известные общественные деятели русского зарубежья, такие как В.В. Зеньковский, А.В. Жекулина, Ф.С. Сушков, А.Л. Бем, П.Д. Долгоруков. В 1920-е гг. приоритетное направление в деятельности бюро – подготовка и проведение педагогических съездов и совещаний, культурно-просветительская работа, педагогическое просвещение учителей [14, с. 124].

Бюро выделяло несколько основных способов борьбы с денационализацией [13, с. 27].

1. Общение с ребенком на родном языке, причем особенно важно было приучить его общаться по-русски. Поэтому тем, кто имел возможность пользоваться услугами няни, рекомендовалось отдавать предпочтение русскоговорящим претенденткам.

2. Пение русских песен с ребенком с самого раннего возраста. Полезными считались также занятия в русском церковном или светском хоре, которые помимо всего прочего «хорошо организовывали и национализировали жизнь».

3. Каждодневная молитва, что способствовало приобщению к православию с самого детства.

4. Чтение русскоязычной литературы вне зависимости от жанра.

5. Изучение отечественной истории.

6. Развитие любви к искусству, причем рекомендовалось делать акцент на русских народных танцах.

7. Приобщение ребенка к различным религиозным и светским праздникам, таким как Троица, Рождество, Пасха, День русской культуры, День русского ребенка, День непримиримости (помянув погибших в годы революции, подтверждение непризнания советской власти в России) и др. [15, л. 35].

8. Организация дополнительных занятий по русскому языку и литературе для детей беженцев, обучающихся в иностранных школах [16, л. 9].

В Польше, как и во всех других лимитрофных государствах, были свои отличительные черты: помимо эмигрантов в ней проживало и коренное русскоязычное население, которое тоже подвергалось денационализации. Вопрос о денационализации русскоязычных детей являлся частью так называемого «русского вопроса». Суть его заключалась в том, что, согласно официальной польской статистике, в стране не было коренного русскоязычного населения, только беженцы. Сами эмигранты называли себя украинцами, белорусами, поляками (проживая в Польше, они причисляли себя к полякам) [17, кадр 0365], но не русскими. Это можно объяснить тем, что многие эмигранты считали синонимами слова «русский» и «большевизм» из-за господствующего строя в России [15, л. 35].

В наибольшей степени денационализации способствовало то, что не было специализи-

рованных дошкольных и школьных заведений. Подчеркивалась необходимость организации детского сада для детей в возрасте до 4 лет. Родители работали целый день, а дети были предоставлены сами себе и всё свободное время проводили на улице среди говорящих по-польски сверстников. Это лишало их возможности в будущем обучаться в русскоязычных школах из-за отсутствия минимальных знаний грамматики русского языка, необходимых для поступления [18, л. 26 об.].

В первые годы своего существования российское зарубежье сосредоточило свое внимание на борьбе с денационализацией посредством русских школ. Но со временем из-за недостатка денежных средств и педагогических кадров, а также из-за стремления родителей отдавать своих детей в иностранные школы многие из них закрылись. В силу этих причин приоритет в борьбе с денационализацией стал отдаваться дополнительным занятиям по русским предметам с детьми, посещавшими иностранные школы, что было весьма эффективно. Но через некоторое время обнаружилось, что дополнительные занятия являлись причиной повышенной утомляемости детей, а это приводило к проблемам с посещаемостью и «текучести» учащихся, довольно часто начинало вызывать у них отвращение к русскому языку и литературе, а со временем и ко всему русскому. Поэтому приходилось видоизменять сам метод обучения, придавая ему игровой характер, делая уклон к саморазвитию. Иногда занятия состояли из чтения произведений с педагогом или с кем-то из родителей и пересказа прочитанного. Немаловажное значение в борьбе с денационализацией имели иллюстрированные издания и картины с изображением русской природы, быта или истории, а также русскоязычные периодические детские журналы. Но в Варшаве, например, первый еженедельный иллюстрированный детский журнал — «Сверчок» для детей в возрасте от 6 до 10 лет стал издаваться только с июня 1933 г. Номер журнала состоял из рассказов, сказок, стихов, басен, различных иллюстраций, игр, загадок и шарад. Стоимость подписки на месяц составляла 1 злотый 50 грошей [17, кадр 0335].

С 1922 г. в Варшаве устраивались различные детские праздники, например рождественские елки и так называемое Детское утро, прово-

дившееся в Русском доме. Праздник начинался с постановки пьесы, потом вместе с детьми читали стихи, пели песни и танцевали, а после концертной программы устраивали игры [19, л. 106; 20; 21, л. 72–73].

В борьбе с денационализацией российские эмигранты старались использовать и опыт других народов. Поляки, например, когда их страна потеряла свою суверенность, смогли сохранить свою национальную идентичность, хотя Польша была разделена на три части. Они активно поддерживали польскую культуру в своих детях, организовывая для них частные школы и дополнительные занятия. Евреи смогли сохранить свою национальную культуру благодаря своим многочисленным национальным церковным школам. Чехи поддерживали культурную связь с помощью обучения чешскому языку, распространения чешских газет и книг и благодаря деятельности такой национальной организации, как «сокольство», с его ежегодными слетами в Праге, очень популярными среди членов организации [22, л. 1].

В Польше родители-эмигранты часто предпочитали отдавать своих детей в польские школы в связи с тем, что наличие польского образования давало не только преимущество при поступлении в высшие учебные заведения, но и саму возможность поступления, так как частные школы не имели права выдавать аттестат об окончании школы, а без него документы в вузы не принимались. Кроме того, все русскоязычные школы были частными, а следовательно, платными. Оплачивать же обучение в таких школах могла лишь незначительная часть русских эмигрантов, даже при наличии системы грантов и стипендий для одаренных детей. В государственных низших и средних учебных заведениях обучение велось исключительно на польском языке [23, с. 108]. Польское правительство проводило политику, направленную на закрытие русских национальных школ, и к середине 1920-х гг. в стране уже не существовало высшей русской школы, а средних и низших учебных заведений осталось небольшое количество [16, л. 11].

Однако многие родители всё же проявляли беспокойство по поводу растущей денационализации. Они были недовольны малым количеством часов, отводившихся на изучение русского языка в школе. Например, во Львове

преподавание на русском языке отсутствовало как в государственных, так и в частных гимназиях [24, л. 4], а в Праге в гимназии на русский язык отводилось столько же часов, сколько и на латинский, — 30 [15, л. 36]. Поэтому родители обращались в Русский попечительный комитет, организованный в 1921 г. для оказания материальной и правовой помощи, с просьбой об организации для 6–9-летних детей дополнительных курсов русского языка. В качестве альтернативного способа борьбы с прогрессирующей денационализацией им было предложено отдавать детей исключительно в русские бursы (общежития для школьников), где дополнительно преподавали русский язык, историю, географию и литературу [23, с. 108; 25, л. 37].

Кроме того, для борьбы с денационализацией Русский попечительный комитет планировал устройство в Варшаве детского дома, состоящего из яслей и сада для детей дневного времени пребывания и дома-интерната для детей-сирот, и пансионата для детей из провинции, обучающихся в начальной школе или в русской гимназии в Варшаве. Однако из-за недостатка денежных средств от этой идеи пришлось отказаться.

С апреля 1923 г. в Варшаве существовал Комитет помощи детям русских эмигрантов в Польше, созданный для решения проблем детей интернированных и эмигрантов. Он занимался оказанием вещевой, денежной, питательной и медицинской помощи. Кроме того, комитет в зимнее время устраивал концерты, игры и чтения для детей, а летом — так называемые «детские площадки». Они были эффективны для детей дошкольного и школьного возраста, поэтому организовывались ежегодно и исключительно с русскоговорящим персоналом [18, л. 23–26]. Отмечалось, что к концу лета дети уже понимали родную речь и изъяснялись на русском языке.

Первоначально «площадки» организовывались для детей школьного возраста, а с 1929 г. — для детей обоего пола в возрасте от 4 до 14 лет [26, л. 12]. Программа занятий состояла из гимнастики, подвижных игр и пения. Все дети получали легкий завтрак, состоявший из какао или чая и хлеба с маслом. «Площадка» работала ежедневно, кроме праздничных дней, с 10 до 14 часов, вплоть до начала осенних занятий в школах. В теплые дни, два раза в неделю, детям

разрешалось принимать водные и солнечные ванны на бесплатном городском детском пляже. Для общего развития проводились выездные экскурсии в Зоологический сад и за город. Количество мест на «площадке» было ограничено, поэтому при наборе приоритет отдавали малообеспеченным детям с наиболее ярко выраженными признаками денационализации. Помимо общеукрепляющего действия «площадка» объединяла детей и не давала им забывать родной язык. Отмечалось, что дети, совершенно не говорившие на русском языке, после ежедневного посещения «площадки» в течение всего лета уже к его концу могли объясняться на родном языке [18, л. 57].

Под руководством Педагогического бюро организовывались различные праздничные мероприятия, например День русского ребенка и День русской культуры, направленные в первую очередь на ознакомление подрастающего поколения с родной культурой. Так, День русской культуры был приурочен ко дню рождения А.С. Пушкина, потому что многие дети эмигрантов не знали его произведений.

Впервые День русской культуры, или День просвещения, был проведен в 1924 г. в Эстонии по инициативе А.К. Янсона, русского национального секретаря при министерстве народного просвещения этой страны. Он был приурочен к 125-й годовщине со дня рождения Пушкина [27, л. 40; 28, с. 46]. Мероприятие прошло успешно. По инициативе Педагогического бюро в Праге через прессу было сделано обращение ко всем русским, находящимся за границей, с предложением через год отметить День русской культуры в разных странах.

И в 1925 г. этот праздник состоялся уже в 13 странах (Болгарии, Бельгии, Германии, Латвии, Литве, Польше, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Эстонии и Югославии), а с 1926 г. он стал ежегодным, число стран-участниц постоянно увеличивалось [27, л. 40]. В этот день было принято обмениваться специально издававшимися открытками между комитетами — организаторами праздника в разных странах, русскими культурно-просветительскими организациями и учащимися [29, л. 2].

Идея проведения Дня русского ребенка впервые была высказана в 1928 г. Педагогическим бюро по делам высшей и низшей школы за границей [11, с. 138]. Причины, побудившие к организации этого праздника, заключались в неудовлетворительном моральном и материальном состоянии детей-эмигрантов и уменьшении денежных средств, поступавших от иностранных учреждений и частных лиц. Было решено приурочить его к весеннему празднику Благовещения. Предполагалось, что в этот день будут освещаться проблемы детей-эмигрантов, а также будет проводиться сбор денежных средств для оказания им помощи. Деньги собирались посредством кружечного или тарелочного сборов, распространения газет-однодневок, благотворительных лотерей или концертов и т. д.

Не менее важную роль в жизни эмигрантов играл День непримиримости. В этот день, как правило, 7 ноября, во всех православных приходах служили панихиду по погибшим от рук большевиков. Подрастающему поколению прививалась неприязнь к большевизму, детям рассказывали об ужасах Гражданской войны [30, с. 2].

Таким образом, проблема денационализации детей-эмигрантов в межвоенный период стояла очень остро. Как отмечали сами беженцы, уже первое поколение детей-эмигрантов не знало ни родного языка, ни своей культуры, ни истории. Однако по поводу возможной денационализации в среде русских эмигрантов в Польше существовали различные мнения: часть из них стремилась как можно быстрее адаптироваться к жизни в стране-реципиенте, другие же были обеспокоены растущей ассимиляцией [11, с. 141; 13, л. 35] и прикладывали усилия для борьбы с ней, проводя различные культурные и просветительские мероприятия, направленные на сохранение своих национальных особенностей. Однако денационализация распространялась и прогрессировала в зависимости от места проживания беженцев и их материального положения. И вопреки всем мерам по сохранению своих национальных особенностей в условиях эмиграции беженцы все-таки не смогли остановить процесс ассимиляции, а следовательно, и денационализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Симонова Т.М.** Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 170–180.
2. **Костерин С.В.** Из истории варшавской группы Конституционно-демократической партии: переход от политической деятельности к благотворительности (начало 1920-х гг.) // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2014. № 19. С. 88–96.
3. **Жуков А.В.** Формирование российского национального военного зарубежья в Польше (1917–1922 гг.) // Учен. труды Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2014. № 3. С. 100–104.
4. **Ратушняк О.В.** Культура казачьего зарубежья (1920–1930) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 2. С. 52–56.
5. **Русский мир в XX веке.** В 6 т. М.: АИРО-XXI, 2014.
6. **Раев М.** Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939 [пер. с англ.]. М., 1994. 296 с.
7. **Пивовар Е.И.** Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2008. 546 с.
8. **Антропов О.К.** Отечественная историография общественно-политической жизни русского зарубежья 1920–1930-х годов. Астрахань, 2011.
9. **Толковый словарь русского языка** / под ред. Д.Н. Ушакова. 1935–1940. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 27.02.2015).
10. **Голос эмигранта.** 1921. 21 июля.
11. **Петрушева Л.И.** Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в). М.: Изд-во ИРИ РАН, 1999. С. 138–149.
12. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 30.
13. **День русской культуры:** однодневный выпуск, посвященный празднованию Дня русской культуры в Харбине в 1930 г. Харбин, 1930 г. 44 с.
14. **Тереня Ю.Ю.** «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей», выходящий в Праге в 1923–1931 гг. в системе национального воспитания русского зарубежья // Изв. ВГПУ. 2013. № 1. С. 123–127.
15. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 28.
16. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 257.
17. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-10243. Оп. 1. Кат. 27.
18. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 14.
19. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 5.
20. **За свободу!** 1922. 13 марта.
21. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 22.
22. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 3. Д. 42.
23. **Микуленок А.А.** Проблема русской национальной школы в Польше // Теория и практика обществ. развития. 2015. № 15. С. 105–109.
24. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 31.
25. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 84.
26. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69.
27. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 39.
28. **Кузина Г.А.** Значение Дней русской культуры в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 46–57.
29. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 40.
30. **Молва.** 1933. 25 октября.

МИКУЛЕНОК Александра Андреевна — аспирант Кубанского государственного университета.
Россия, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
e-mail: klio-alex@yandex.ru

A.A. Mikulenok

THE PROBLEM OF DENATIONALISATION OF THE RUSSIAN CHILDREN IN POLAND IN THE 1920S–1930S AND THE WAYS OF FIGHTING IT

The article looks into the problem of migrant children denationalisation; it's dedicated to one the ways of fighting it, so-called Day of the Russian Child, which was one of the top three most significant celebrations for migrants along with the Russian Culture Day and Intransigence Day. Despite its late appearance – the end of the 1920s – it very quickly became one of the most beloved celebrations among migrants, who had been celebrating it up to the beginning of the World War II almost in all countries inhabited by migrants. The research is based on the archival documents stored at the so-called “Prague Archive” (The State Archive of the Russian Federation, GARF, Moscow) as well as migrant periodicals of the period under review. The author analyses the primal causes of the appearance of the day, tasks allotted on it by the migrants and the way they have transformed during the time as the true state of the migrant children in foreign countries and their needs exposed themselves.

DENATIONALISATION; REFUGEES; POLAND; THE RUSSIAN CULTURE; THE RUSSIAN EMIGRATION.

REFERENCES

1. Simonova T.M. [Russians diasporas in Poland in 1920–1924s] *Natsional'nyye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* Moscow, 2001. Pp. 170–180. (In Russ.)
2. Kosterin S.V. [From the History of the Warsaw Group of the Constitutional-Democratic Party: The Transition from Political Activity to Charity (the beginning of the 1920s)]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo univ.*, 2014, no. 19, pp. 88–96. (In Russ.)
3. Zhukov A.V. [The formation of the Russian military abroad in Poland (1917–1922)]. *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2014, no. 3, pp. 100–104. (In Russ.)
4. Ratushnyak O.V. [Culture of the Cossack emigration (1920–1930)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2015, no. 2, pp. 52–56. (In Russ.)
5. *Russkiy mir v XX veke* [The Russian world in XX century]. In 6 vol. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014. (In Russ.)
6. Rayev M. *Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii: 1919–1939* [Russia abroad: A cultural history of the Russ. emigration, 1919–1939]. Moscow, 1994. 296 p. (In Russ.)
7. Pivovarov Ye.I. *Rossiyskoye zarubezhye: sotsial'no-istoricheskiy fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [The Russian emigration: socio-historical phenomenon, role and place in the cultural and historical heritage]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy univ. Publ., 2008. 546 p. (In Russ.)
8. Antropov O.K. *Otechestvennaya istoriografiya obshchestvenno-politicheskoy zhizni russkogo zarubezhyaya 1920–1930-kh godov* [The National historiography of the socio-political life of the Russian emigration in 1920s – 1930s]. Astrakhan', 2011. (In Russ.)
9. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod redaktsiey D.N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language, ed. by prof. D.N. Ushakov]. 1935–1940. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (accessed 27.02.2015).
10. Golos emigranta. 1921. Jul. 21. (In Russ.)
11. Petrusheva L.I. [The role of migrant non-governmental organisations in preserving the national cultural traditions. The Day of the Russian Child (the end of the 1920s–1930s)]. *Sotsial'-ekonomicheskaya adaptatsiya russiyskikh emigrantov (konets XIX – XX v)*. Moscow, IRI RAN Publ, 1999. Pp. 138–149. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 1. D. 30.
13. *Den' russkoy kultury: odnodnevnyy vypusk, posvyashchennyy prazdnovaniyu Dnya russkoy kultury v Kharbine v 1930 g.* [The Russian Culture Days]. Kharbin, 1930. 44 p. (In Russ.)
14. Terenya J.J. [“Bulletin of the Pedagogical Bureau for secondary and low-level Russian schools abroad” (1923–1931) in the national education system of Russians in foreign countries]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ.*, 2013, no. 1, pp. 123–127. (In Russ.)
15. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 1. D. 28.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5837. Op. 1. D. 257.

17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-10243. Op. 1. Katushka 27.
18. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5864. Op. 1. D. 14.
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5864. Op. 1. D. 5.
20. Za svobodu! 1922. Mar. 13. (In Russ.)
21. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5864. Op. 1. D. 22.
22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 3. D. 42.
23. Mikulenok A.A. [The problem of Russian national school in Poland in the 1920s]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 15, pp. 105–109. (In Russ.)
24. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5850. Op. 1. D. 31.
25. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5814. Op. 1. D. 84.
26. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 2. D. 69.
27. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5850. Op. 1. D. 39.
28. Kuzina G.A. [The importance of “the Russian Culture Days” in the Russian migrants lives of the leading wave]. *Kul'tura rossiyskogo zarubezhya*. Moscow, 1995. Pp. 46–57. (In Russ.)
29. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5913. Op. 1. D. 40.
30. Molva. 1933. Oct. 25. (In Russ.)

MIKULENOK Aleksandra A. – *Kuban State University*.

Ul. Stavropol'skaya, 149, Krasnodar, 350040, Russia

e-mail: klio-alex@yandex.ru